

Дарья Доцук

Я и моё чудовище

Дарья Доцук
Я и моё чудовище
Серия «Современная проза (Аквилегия-М)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8056397
Я и моё чудовище. Повесть: Аквилегия-М; Москва; 2016
ISBN 978-5-905730-30-6*

Аннотация

Лера из тех, кто без памяти влюблён в море. Но не принцы на кораблях под алыми парусами занимают её мысли, а загадочное морское чудовище. А ещё – страшная тайна старого сундука и внезапно налетевший шторм, который вот-вот разрушит её семью, казалось, такую крепкую, а на самом деле самую хрупкую вещь на свете. Но Лера не отчаивается. Она знает: преодолевая трудности, человек растёт.

Повесть «Я и мое чудовище» финалист Всероссийского конкурса «Книга года: выбирают дети – 2013».

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

1. Существо	5
2. Воздушный шар	8
3. Охотница на крокодилов	10
4. Буря	12
5. Чайки	15
6. Мама, которая смотрит на дождь	18
7. Шторм	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дарья Доцук

Я и моё чудовище

Повесть

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены. Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

© Доцук Д., 2016

© Издательство «Аквилегия-М», 2016

* * *

Зачем птиц создали такими хрупкими и беспомощными, как вот эти морские ласточки, если океан порой бывает так жесток?
Эрнест Хемингуэй, «Старик и море»

1. Существо

Оно на мгновение показалось из воды и скрылось под накатившей волной. Я успела щёлкнуть его на телефон, но, когда приблизила фотографию, оказалось, что изображение опять размыто и ничего не разобрать. Три года уже пытаюсь, а всё никак. Через пятьдесят минут снова вынырнет, но сложно угадать, где именно. Море большое, а это загадочное существо так быстро плавает! А потом куда-то исчезает. Всякий раз думаю: вдруг оно погибло? Но через месяц или два оно возвращается и вдалеке я вижу знакомый чёрный силуэт.

У меня на «Рабочем столе» уже целая папка его снимков набралась. По большей части просто непонятные тёмные пятна, то ли хвост, то ли плавник, но я точно знаю: за всем этим что-то есть. Что-то такое... Вроде лохнесского чудовища. Я читала много легенд. В Балтийском море всякое встречали, особенно в старину, когда не было ни подлодок, ни лайнеров.

Тогда, давным-давно, в Балтику ещё заходили киты... Но тем ценнее для меня Существо (про себя я так его и зову – Существо). Оно выжило, несмотря ни на что, и научилось избегать опасных кораблей.

Прародители Существа, должно быть, поселились в этих водах где-то семь тысяч лет назад, когда пять Датских проливов подобно пяти морским мостам, соединили древнее Анциловое озеро с Северным морем, а значит, открыли ворота в Атлантику. Меня не покидает ощущение, что Существо тоже наблюдает за мной. Особенно зимой и весной, когда пляжи пустеют и, кроме меня и чаек, тут почти некого наблюдать. И, может быть, оно точно так же именуется мной Существом. Тощим косматым Существом с острыми коленками в синяках.

Оно впервые попало мне на глаза, когда я была совсем ещё мелкой, наверное, трёхлетней. Родители купили в Светлогорске покосившуюся дачу и превратили её в настоящий красивый дом, куда мы и переехали из городской квартиры.

Тот день я помню плохо, только по маминым рассказам. Лишь одна картинка сохранилась чётко: я стою, зарыв босые ступни в холодный песок, мама придерживает меня, и они с папой щебечут надо мной: «Это море. Мо-ре. Там живут рыбки. Скажи: мо-р-ре, р-рыбки». Мне неохота повторять за ними «море» и «рыбки». Я тычу пальчиком в чёрное Существо, но никто не обращает на него внимания. «Да, да, покажи, где море? Во-от оно, море!».

Я часто думаю, что будет, если Существо угодит в чью-нибудь сеть. Или заиграется на мелководье. Тогда его вынесет на сушу и все сбегутся, чтобы с ним фотографироваться. Учёные и служба береговой охраны наверняка опоздают, и моё Существо со временем превратится в скелет. Его поместят в главный корпус Музея мирового океана, рядом со скелетом кашалота, и я буду ездить навещать его туда. Как на кладбище.

– Зато мы точно узнаем, кто это такой, – пожала плечами Юлька, когда я впервые рассказала ей о Существом и о том, что его может прибить к берегу.

Юлька не злая, просто любопытная. Как и я. Но я переживаю за судьбу Существа, потому что уже давно его знаю, а Юлька только в сентябре переехала сюда из Москвы и всё равно не собирается оставаться тут после школы. Поэтому ей незачем привязываться к Существом.

– Да точно тебе говорю, это обычный тюлень, – фыркнула Юлька, изучая горизонт в мой бинокль.

– С такого расстояния тюленя не увидишь даже в бинокль. Существо явно намного больше, – доказываю я. Юльке тяжело смириться с тем, что она может уверенно ответить на любой вопрос, а тайна Существа ей никак не даётся.

– Просто волны швыряют какое-то бревно, а ты себе напридумывала, – обиделась Юлька, отложила бинокль и надела кофту, потому что подул ветер.

Она не любит ветра, хотя он так приятно бросается в лицо и ерошит волосы. Я всегда распускаю хвост, прежде чем спуститься с холма на пляж. Пусть волосы пропитаются бризом. Этот запах меня успокаивает.

– Ладно, пошли отсюда, скоро опять хлынет.

Юлька всегда начинает ворчать, когда погода портится и небо сереет от дождевых туч. Она сама сразу становится серой и недовольной. А я люблю дождь. И шторм тоже. Я знаю, что в такую погоду моему Существому тепло в морской глубине и оно весело кувыркается на волнах.

– Ну-ну, не зуди, – улыбнулась я и примирительно прижала Юльку к себе. – Куда пойдём?

– Куда угодно, только не ко мне. В доме престарелых я ещё успею пожить, когда все зубы вывалятся.

Домом престарелых Юлька называет свой дом. Там престарелых нет, только её родители, которые устали от Москвы, купили в Светлогорске домик у моря и занимаются организацией свадеб и праздников. Веселья и торжеств им и на работе хватает, вот они и наслаждаются тихими семейными вечерами с книжками, «Эрудитом» или ещё какой игрой – у них целый шкаф настолок. А для Юльки это смерти подобно! Она как вечный двигатель: может обходиться без сна и еды, лишь бы с ней что-нибудь постоянно происходило. Её раздражает, что тут у нас маленький курортный городок и все «еле ноги волочат», тогда как в Москве все прямо носятся по улицам, ловко уворачиваясь от машин и обгоняя друг друга.

Интересно, почему мы подружились? Я, наоборот, предпочитаю ходить, а не бегать, и чтобы всё было как всегда. По заведённому обычаю. Чтобы по пятницам – большой семейный ужин, когда папа привозит с рынка креветки и мы с мамой и бабушкой садимся их чистить и болтать обо всём на свете, а Маркуша, мой брат, показывает нам, какие расчудесные каляки-маляки он только что нарисовал. Высокая синяя каляка – это папа, зелёная каляка поменьше – мама, оранжевый снеговик – бабушка, а меня на картинке нет, потому что я ушла посмотреть «сюдовиссе». Чудовище то бишь.

Люблю, когда мы устраиваем пикники. У нас даже есть специальный набор – корзина с чашками-тарелками и красный клетчатый плед. Совсем как в кино. Мы отправляемся на пляж все вместе, читаем или играем во что-нибудь. А когда заканчиваются бутерброды, мы с Маркушей выискиваем на берегу идеально круглые камни и цветные, обтёсанные морем бутылочные стёклышки. Самые ценные – синие. Они попадают всё реже и реже, поэтому за них жюри в лице взрослых присуждает больше всего очков. На втором месте – красные и белые, а самые распространённые – зелёные. Иногда можно найти монетку или одинокую серёжку. А вот янтарь мы не трогаем. Оставляем для туристов: они ужасно расстраиваются, если не соберут хотя бы горсточку янтаря.

Все добытые сокровища мы торжественно несём домой. Стёклышки хранятся в кувшине с водой: там они чудесно блестят и переливаются, а если их вынуть и обсушить – бледнеют и становятся шершавыми.

Монетки идут в папину коллекцию морских находок, а украшения – в мамину. Мы можем часами выдумывать разные истории об этих вещах и их владельцах. Круглые камни – тоже удачный улов. Их мы расписываем гуашью или акрилом и складываем на длинную полку – в наш «Музей камней». Папа шутит, что когда мы состаримся, то продадим всё это в Музей мирового океана за безумные деньги. Маркуша искренне в это верит и готов хоть целый день упорно копать в песке.

Пожалуй, у нас тоже немножко дом престарелых, но мне всё равно, даже если бы мы всей семьёй играли в лото (или чем там развлекаются пенсионеры?), было бы так же весело – я точно знаю.

У Юльки завибрировал телефон, и по её кислому выражению лица стало понятно, что звонят из дома. Она скорчила рожицу и рявкнула в трубку:

– Что?

На том конце забурили вопросы и восклицания.

– С Лерой в кафе сидим, – соврала Юлька и испуганно швырнула подлетевшей чайке кусок батона, чтобы птица от неё отвязалась. – Тогда зачем спрашиваешь, если видишь, что мы на пляже? – мы задрали головы, и я помахала Юлькиной маме, которая стояла на вершине холма. Ей неохота спускаться к нам по длинной лестнице. – Мы уже уходим в кафе. А когда приду – не знаю. Поздно. Или вообще никогда!

На холме тётя Лена совсем разнервничалась. Она что-то кричит, но ветер уносит её слова. Впрочем, Юлькин телефон точно передаёт каждый звук.

– Да приду, приду. Куда я от вас денусь?! Через час где-то. Всё, пока, – она сунула телефон в карман и строго посмотрела на меня: – Чего? Не хочу я с ними полдня тухнуть. Мама опять что-нибудь мыть заставит. И вообще – у меня каникулы или как?!

– Ты злая, – усмехнулась я. – А мама у тебя классная.

– Ну да... Да ладно, это я так, чтобы не расслаблялась, – с улыбкой ответила Юлька.

2. Воздушный шар

Мы вытрясли из шлёпок песок и поползли наверх по крутой извилистой лестнице в двести семьдесят девять не самых надёжных ступенек. Юльке было скучно взбираться молча, поэтому она бодро заявила:

– Угадай данетку! Лежит голый мужик в поле, а рядом с ним спичка.

– Он живой?

– Нет. Вот ты странная! С чего бы он тогда голый в поле лежал?

– Ну, может, пьяный, – предположила я. – Шёл домой, заблудился, решил на дорогу спичкой посветить, а огонь погас. Мужик расстроился и уснул прямо в поле до утра.

– Тоже вариант, но дурацкий! – раскритиковала меня Юлька. – Если ты такая реалистка, чего же в своё чудовище до сих пор веришь? Давай спрашивай дальше, там другой ответ.

«Другой ответ» мне дался со скрипом, и только когда мы приземлились в кафе и нам принесли кофе и два чизкейка. Мы всегда одно и то же заказываем. Оказалось, что два мужика летели на воздушном шаре, а потом стали падать. Скинули весь балласт, даже одежду сняли, но нужной высоты набрать не удалось. Тогда придумали жребий тянуть – у кого короткая спичка, тому и прыгать с шара, чтобы второй человек смог выжить. Жестокая, в общем, данетка.

Юлька сияла: ей такая кровожадность очень даже нравится. Она обожает представлять, будто мы с ней очутились в какой-нибудь жуткой ситуации, например, в шлюпке без воды и еды посреди океана, или в фильме «Замёрзшие», или на перевале Дятлова, и что стали бы тогда делать. Обычно Юлька выживает, а я – нет. Она спортивная, в волейбольную секцию ходит и верит в естественный отбор. Что до меня, то я с детства плохо ем, чем очень расстраиваю бабушку («Тебе ни на что не хватает энергии!»). Мне нравится плавать, но не кролем или на скорость, а просто плыть и размышлять, опасно ли моё Существо – не захочет ли оно меня съесть? Или наоборот: подставит спину, как плезиозавр Крузо в фильме «Мой домашний динозавр»? Вообще я надеюсь увидеть его поближе, поэтому никогда не захожу в море без маски. Иногда чувствуется, что не хватает всего-то какой-нибудь сотни метров. Но Существо держится на расстоянии, хотя с чего бы ему бояться обычной девчонки?

– Ну ты понимаешь, что нам с тобой тоже пришлось бы спичку тянуть? – ликовала Юлька, всё ещё погружённая в историю про воздушный шар.

– А нельзя дождаться, пока шар близко к земле опустится, свесить верёвку и слезть, как по канату? – с надеждой спросила я.

– Нельзя! – Юлька стукнула по столу десертной вилкой. – А вот если бы ты летела, ну, например, с мамой, ты бы прыгнула первая, чтобы её спасти?

– Спрыгнула бы, – без колебаний ответила я. – Маме ещё Маркушу воспитывать, да и как я без мамы?

Юлька недоверчиво скривилась:

– Это ты сейчас так говоришь... А если с папой?

– И с папой прыгнула бы, – не сдавалась я. Юлька всё время задаёт мне каверзные вопросы и бесится, когда я отвечаю «не так».

– Уф, ну ты и героиня, – пробормотала она и допила кофе в один глоток. Не знаю, зачем мы пьём кофе. От него у меня быстро-быстро стучит сердце и кажется, что я чего-то боюсь. Появляется какое-то нехорошее предчувствие, будто случится беда.

– Ладно, новая тема, – загорелась Юлька. – Мой день рождения! Я думаю в сторону пляжной вечеринки с костром. Женя гитару принесёт и песню для меня сочинит.

До Юлькиного дня рождения ещё два месяца, но она предвкушает его уже сейчас. В первый раз будет отмечать на море. Тут у всех пляжные вечеринки, и никому, кроме Юльки, это уже не кажется чем-то оригинальным. А может, всё дело исключительно в Женьке.

– Как ты сама хочешь. Только вот насчёт песни – не знаю. Женька всё-таки не особо музыкальный. Да и постесняется перед всеми.

– Ничего, постесняется и перестанет. А что делать? Всё хорошее нужно заслужить!

Кстати, что он мне дарить будет? Ты там присоветуй ему что-нибудь. Только нормальное! А не как на Восьмое марта – ерунда какая-то.

– Просто всем одинаковое дарили, – из чувства справедливости вступилась я за Женьку, который и так ради Юльки из кожи вон лезет. Даже на волейбол записался. Но ей надо, чтобы всё было «официально» и с любовными песнями.

Юлька закатила глаза:

– Ну а мне мог бы отдельно подарить. Короче, если спросит, то я хочу либо купальник, либо блеск.

Зная Женьку, я усмехнулась: ну-ну, так он и побежал за купальником.

– Лучше блеск.

– Ладно, – вздохнула Юлька, как будто на самом деле хотела именно купальник, а про блеск просто так вспомнила и он ей не нужен совсем.

Юлькин телефон снова завибрировал. На экране высветилось: «Дом престарелых».

– Иду! – недовольно проскрипела в трубку Юлька и тут же сбросила вызов. – Хотя ты про купальник всё равно скажи. А, вот как лучше сделаем. Я выберу, какой мне больше нравится, скину тебе ссылку, а ты Женьке ближе к делу перешлешь. И у него не останется выбора!

– Хорошо, – вяло отозвалась я. Неохота лишний раз с ним разговаривать. Пусть мы и знакомы с рождения, дружбы у нас так и не получилось.

Счастливая, Юлька проводила меня до калитки и побежала домой выбирать купальник мечты.

3. Охотница на крокодилов

Почему-то в голове по-прежнему крутилась глупая данетка про воздушный шар. И когда я зашла в кухню, где тут же замолчали и уткнулись в свои тарелки мама с бабушкой, то зачем-то выпалила:

– Мам, а вот представь, летели бы вы с папой на воздушном шаре, и вдруг что-то произошло и шар начал падать. Ну и кому-то надо прыгнуть вниз, чтобы спасти другого. Чтобы он полетел дальше и выжил. А не то оба разобьётесь. Ты бы прыгнула? – я уже сообразила, что мама наверняка рассердится и ответит что-нибудь вроде: «Опять ужасиков насмотрелись!», но всё-таки добавила: – Можно ещё спичку тянуть, кому прыгать.

Удивительно, но бабушка с мамой переглянулись так, словно я задала очень серьёзный вопрос, непременно требующий ответа. Я быстро спохватилась и махнула рукой:

– Да я шучу. Это данетка такая. Про голого мужика в поле...

Но мама не дослушала. Губы её превратились в тонкую ниточку, как часто бывает, когда она злится.

– Надеюсь, как приличный человек, твой папа не позволит даме прыгать с воздушного шара.

После этих слов она встала из-за стола и выплыла из кухни, тихо затворив за собой дверь и предоставив бабушке возможность отчитать меня по всем статьям. Из гостиной слышались мамины размеренные шаги. Мне почудилось, будто она королевская особа, блуждающая по старинному тёмному замку с зажжённой свечой в руке. Хотя наш красный домик с белыми оконными рамами ничуть не похож на замок, скорее, на хижину рыбака из скандинавской деревни.

– Они что, опять поругались? – догадалась я.

– Помирятся, вот увидишь, помирятся, – рассеянно забормотала бабушка.

– Ну ясное дело, не разводиться же им теперь, – хохотнула я и полезла в холодильник за гранатовым соком.

Гранатовый сок я пью по бабушкиному велению и против собственного хотения. У меня в организме не хватает железа – называется «железодефицитная анемия», но мне больше нравится старинное «малокровие». Звучит немного опасно, как будто у меня какая-то редкая загадочная болезнь. Кроме того, что я жутко бледная и у меня кожа сухая, никаких симптомов нет. Разве только голова кружится часто. Но, на мой взгляд, и плюсов хватает. Самый главный в том, что почти нет прыщей. Юлька даже решила от мяса и яблок отказаться совсем, чтобы у неё тоже началась анемия и сгнули все прыщи. Правда, продержалась она дня три, пока её папа не взялся жарить свой фирменный шашлык.

Врач говорит, одним гранатовым соком гемоглобин и железо не повысить, лучше витамины и таблетки. Но разве бабушку в чём убедишь? У неё всё по старинке. Взять хотя бы фильтры для воды. У нас их две штуки, но бабушка им не доверяет. Вот её проверенный способ: наполнить водой трёхлитровые банки и в каждую по серебряной ложке кинуть. И пусть настаивается. «Серебро на себя всю гадость заберёт», – так она говорит. Поэтому у нас на подоконнике прямо какой-то музей «заспиртованных» ложек. На их фоне дочка Дракулы, прихлёбывающая «кровушку» из бутылки, никого не впечатлит. Кстати о Дракуле...

– Ба, а папа где?

– Я не знаю! – встрепенулась бабушка, как будто её уличили в том, что она укрывает преступника.

Хлопнула дверь, ведущая на задний двор. Наверное, мама вышла посидеть на лужайке. Или папа с Маркушей решили устроить дуэль на водных пистолетах. Я допила «кровушку», закусила бутербродом с сыром и отправилась на разведку.

– Ты куда? – ловко перехватила меня бабушка. С такой реакцией ей надо было на крокодилов охотиться, а не в музыкальной школе преподавать. Хотя, кто знает, может, с крокодилами и проще. Я хорошо помню, как пианино ненавидела, аж до слёз. Но в этом году я всё же с горем пополам закончила музыкалку, так что мои мучения остались позади, а бабушка переключилась на Маркушу.

– Во двор, – трусливо отозвалась я.

– А обед?

– Да мы с Юлей поели.

– Зачем тогда бутерброды таскаешь?

Это она спиной увидела. Эх, крокодилов бы сюда.

– Так, просто...

– Наверное, кальция не хватает, раз на сыр потянуло. Витамины принимала сегодня?

– Угу. И гранатовый сок пила.

– Ладно, иди. На воздухе хоть бы посидела. А то целый день в кафе торчите, только дым нюхаете.

– Ну, бабушка, не ругайся, тебе же нельзя нервничать, – я обняла её за плечи и звонко чмокнула в щёку. Это всегда поднимает ей настроение.

– Мне нервничать уже нечем, Лерочка, – устало улыбнулась бабушка и похлопала меня по руке. – Иди, подыши.

4. Буря

Небо уже порядочно посерело, слышно даже, как ворчливо гудит на чердаке ветер, словно его закрыли там, как непослушного мальчишку. Волны накатывают с удвоенной силой, а дождь всё никак не начнётся. На террасе я взялась за ручку стеклянной двери, чтобы выйти к родителям и Маркуше, – все трое обнаружили на лужайке, но застыла на месте. Что-то не так. Как будто передо мной возвели дополнительную дверь и не оставили ключа, чтобы её отпереть.

Я не слышала, о чём они говорили, да в этом и не было никакой нужды. Несложно догадаться – ссорятся не на шутку. Угрюмая мама на деревянном раскладном стуле, нависший над ней папа с её мобильником в руке. А Маркуша, неуклюжий как цыплёнок, носится вокруг них, изображая самолётчик. По глазам видно, что довольный. Сосредоточенно летает, старается, ждёт, когда родители заметят и похвалят.

Папа всё трясёт телефоном у мамы перед лицом, а она смотрит с вызовом и лишь изредка кивает или что-то восклицает. Хорошо, что есть стеклянная дверь и та, вторая, сквозь которую мне ни за что не пройти и ничего не услышать.

– Может, надо Маркушу забрать?

Я вздрогнула и резко обернулась: это незаметно подкралась Маркушина няня, Наташа. По-моему, её потому и взяли, что она ходит на цыпочках, будто её и вовсе нет в доме, или нарочно прячется от нас целый день. Зато у неё всегда добрый сочувствующий взгляд. Так она смотрит на всех. На бездомного котёнка, на Маркушу, когда тот хочет подобрать в парке червяка, а нельзя, на бабушку, когда она пытается доказать маме, что вода из банок с серебряными ложками лучше, чем из фильтра, и на меня, когда родители смеются, что если бы в море обитало чудовище, его бы давно отловили.

– Зачем? – спросила я. Всё ведь нормально. Сейчас они помирятся. Дался папе этот телефон! Почему он никак не перестанет размахивать им, как каким-нибудь пистолетом? И потом, мы не можем забрать Маркушу, тут сама собой выросла невидимая дверь.

– Мне неудобно. Лучше ты его приведи, а то скажут, что я подслушиваю, – прошептала Наташа, чуть подтолкнув меня вперёд. Она очень боится потерять работу, потому что любит Маркушу, как своего. Всех бы червяков для него собрала, если бы мама позволила.

– Тётя Наташ... – начала я, но не успела закончить.

Неожиданно папа с размаху шарахнул телефон на траву, наступил на него и принялся топтать и давить, как таракана. Телефон оказался крепким, и папе понадобилось не меньше минуты, чтобы превратить его в пластиковую лепёшку.

Маркуша остолбенел. Будто у его самолётчика отказали двигатели. Мама вскочила со стула, прокричала что-то папе чуть ли не в самое ухо, взяла Маркушу на руки и решительно двинулась к нам. Наташа поспешила скрыться с места преступления, и уже через две секунды из кухни донеслось её нарочито громкое: «Алла Иванна, давайте чаю попьём!». Бегство было и моим первым порывом, но я хотела увидеть всё до конца, понять, когда мои родители успели превратиться в незнакомую вздорную парочку.

Мама рванула на себя дверь и строго уставилась на меня. Не будь я такая бледная, непременно покраснела бы с ног до головы. У Маркуши дрожали губки, а голубые глазки увеличивались в размерах. Маму трясло – аж кольца на тонких пальцах стучали друг о друга. «Одно из них – обручальное, которое она больше не будет носить», – некстати подумалось мне, и я на секунду зажмурилась, чтобы прогнать эту мысль. Мало ли у кого как ругаются родители, у некоторых даже дерутся, и ничего, не разводятся. К тому же мама не устаёт повторять, что дурные мысли имеют обыкновение материализовываться. Но разве я виновата, что дурные мысли всегда лезут вперёд хороших?

– Где Наташа? – будничным тоном поинтересовалась мама. Я завидую её умению игнорировать всё плохое и никогда об этом не упоминать, вроде как в приличных семьях это не принято.

– На кухне, с бабушкой чай пьёт, – как у доски отрапортовала я. Почему-то показалось, что мама накажет Наташу, если узнает, что та подглядела, как папа раскрыл телефон.

– Мы тоже чаю хотим, да, Маркуш? – улыбнулась мама, качая Маркушу. – С пирогом и с печеньем, и с вареньем. И Леру пригласим, да? Скажи: Лера, пойдём чай пить!

Маркуша просветлел, моторчики самолётика закрутились вновь. Он слабо ухватил меня за рукав:

– Падём! Цяй пить!

– Пойдём, – сказала я.

Может, у нас и вправду ничего не случилось. Мама с Маркушей «полетели» на кухню, и я послушно побрела следом. Не надо оборачиваться и смотреть, как папа всё ещё бьёт подошвой телефон, пытаюсь вдавить его в землю.

За чаем никто не поднимал тему ссоры. Мама нянчила Маркушу, а Наташа негодовала, что он где-то подцепил слово «тупо». Ну-ну, интересно, где?

– Представляете, Евгения Пална, я ему говорю: «Маркушенька, пойдём гулять!», а он мне: «Тупо!»

– Тупо, – радостно подтвердил братец и рассмеялся.

Я тоже не удержалась, да и мама с бабушкой усмехнулись. Но Наташа сделала такое обиженное лицо, что мы сразу притихли.

– Зачем ты опять повторяешь это плохое слово? – простонала Наташа.

– Аптяп! – кивнул Маркуша, но почувствовал необходимость завладеть мамиными очками и сосредоточился на этом занятии.

– Приличные мальчики так не разговаривают. И не трогай, пожалуйста, мамины очки! – в шутку поддержала Наташу мама.

– Да он даже не знает, что это значит, – прыснула я.

– Всё-ё-о зна-ает, – довольно проурчал Маркуша, и все расхохотались в голос. Даже Наташа позволила себе едва заметную улыбку.

Когда Маркушу только привезли из роддома, он мне не слишком понравился. У него была почти прозрачная кожа, и сквозь неё просвечивали голубые венки. А потом он стал набирать вес так быстро, словно его кормили сплошными бургерами с картошкой фри, и уже через месяц превратился в забавного щекастого толстяка. Всё, что он умел, так это сжимать кулачки, как какой-нибудь краб. Что ему ни дай – всё хватает. Я развлекалась тем, что клала рядом с ним погремушку, и он отчаянно к ней тянулся, аж гудел от напряжения. Правда, никак не мог догадаться, что нужно перевернуться на бок, чтобы достать. Потом прибежала Наташа и выговаривала мне что-нибудь вроде: «Как можно так издеваться над малышом! Отдай ему погремушку!» Я, конечно, отдавала, но мы с Маркушей оба знали, что это такая весёлая игра, а Наташа просто нудит. К тому же однажды он всё-таки научился переворачиваться. И всё благодаря мне! А то так бы и лежал до сих пор на спине и кроме потолка ничего не видел.

Ещё у Маркуши целый год прямо на макушке была дырка, затянутая кожей. Совершенно жуткая вещь! Если потрогать и чуть-чуть нажать, кажется, что внутри пусто. Хотя, разумеется, там у него мозг. Впрочем, он об этом ещё не знал. Когда дырка заросла, я сказала Маркуше, что теперь мы не сможем выяснить наверняка, есть ли у него всё-таки мозг или нет. Маркуша стал щупать голову и в конце концов разревелся. Ох и влетело мне от Наташи! Но потом я исправилась и научила его, что если в голове хрустит, когда жуёшь, значит там мозг! Я вообще очень ответственная сестра!

В коридоре тенью промелькнул папа. Даже не остановился узнать, чего это мы хотим. Теперь-то ему не до смеха. Дважды пропищала сигнализация его машины, и он куда-то уехал.

Мама с бабушкой погрузтели. Наташа схватила Маркушу и, сюсюкая с ним, что есть мочи, собралась уходить. Она с намёком тронула меня за плечо, мол, мне тоже следует испариться вместе с ними.

Мама заметила этот жест и сказала Наташе:

– Идите, идите. Лера нам не мешает.

Мы остались втроём. И сразу вспомнилась сегодняшняя ссора. От неё уже никуда не деться. Даже если очень постараться подумать о чём-нибудь другом. Бабушка протяжно вздохнула и включила чайник. Внутри у чайника зашипела вода. У меня внутри тоже как будто что-то зашипело. Сильно закружилась голова, и всё на пару секунд стало нереальным.

Наконец в небе громыхнуло и об окна разбились первые капли дождя. Мне резко полегчало, как будто невидимый врач вколол какое-то лекарство мгновенного действия. Для меня нет ничего уютнее и спокойнее летнего ливня. Кажется, он способен умыть всё на свете, пропитать воздух сладкой свежестью. С дождём всякий раз начинается новая жизнь.

Я представила папу. Он сейчас несётся по шоссе и злится, может, даже вслух. Бешено ходят туда-сюда «дворники» на лобовом стекле. Папа врубил радио на полную громкость и слушает новости, чтобы хоть немного отвлечься. Или наоборот, едет в полной тишине и орёт на других водителей. Я послала ему телепатический сигнал, чтобы на выезде из города он передумал, развернулся на парковке супермаркета и переждал бурю дома, а не где-нибудь на трассе. Впрочем, дома, судя по всему, разыгралась буря похлеще, чем на улице. И папа спасается именно от неё, от этой домашней бури. Наверное, даже не замечает дождя.

5. Чайки

– Представляешь, сломал мой телефон, – доложила мама бабушке. – Так и валяется там на газоне.

Бабушка отреагировала моментально и метнулась к двери:

– Намокнет же! Надо подобрать. Может, ещё починить сумеем.

– Да всё уже, мам.

– Нет, ну как же, – слабо возразила бабушка и опустилась на стул, повинувшись маминому строгому взгляду.

– Новый куплю.

– Телефон-то за что? Не понимаю, – покачала головой бабушка и шумно отпила из чашки.

Они говорили так, будто меня тут вообще нет. Надо было помахать у мамы ладонью перед лицом, чтобы привлечь внимание, и крикнуть: «При чём тут телефон! Из-за чего вы поругались?», но я сдержалась. Случись всё это в солнечный денёк, я бы, может, и не утёрпела, разошлась бы на полную. Я ненавижу, когда они ссорятся. Оба до того упрямые, что могут дуться друг на друга целый день, как дети. Но чтобы папа сломал телефон и куда-то уехал – такое у нас впервые. Обычно он просто уходит прогуляться или сидит в интернете.

Во время дождя хочется уползти в свою берлогу и помолчать. Послушать песни китов. Когда грустно, от них можно разрыдаться на ровном месте, а когда хорошо – мечтать, как я стану фотографом дикой природы и волонтером по сохранению исчезающих видов животных. Как буду нырять с аквалангом и снимать дельфинов, морских черепах и горбатых китов. Я думала о том, чтобы выучиться на океанолога, но химия и физика в отличие от биологии даются мне с большим трудом, так что папа посоветовал попробовать себя в чём-то другом.

Прошлым летом я нашла на пляже молодого тюленя – он крутился на мелководье возле помятой пивной банки, которую слизнула с берега волна, и норовил отхватить жестяной кусочек. Ещё чуть-чуть, и его игра могла бы обернуться гибелью. Я сфотографировала эту сцену на телефон и забрала банку. Тюлень так на меня разозлился, что мотнул головой и обнажил зубы. Дома я показала снимок маме, чтобы она написала об этом случае в свою газету.

– Если все так и будут бросать мусор в море или на берегу, то Маркуша увидит тюленей только в кино или в книжке с картинками! – сказала я.

Вскоре мама принесла мне номер газеты с заметкой об экологическом десанте на Куршской косе. И среди фотографий обнаружился мой тюлень с банкой. В подписи так и стояло: «Фотограф Валерия Тарасова». И тогда я подумала: почему бы мне в самом деле не стать фотографом? В мире гибнет столько прекрасных существ, которым невозможно объяснить, что жестяную банку опасно пробовать на зуб или что где-то разливается нефть и заволакивает поверхность воды, перекрывая морским обитателям путь к необходимому глотку воздуха.

– А ведь фотографии говорят лучше, чем слова, – удивилась я, когда закончила читать статью.

– Пожалуй, – согласилась мама. – Сразу представляешь этого негодяя, которому лень донести банку до урны. И тут же охота спасти всех бедных маленьких тюленят на земле.

Через неделю родители подарили мне фотоаппарат. Чтобы научиться управлять этим чудом профессиональной техники, инструкции оказалось явно недостаточно. Но мало-помалу эксперименты становились всё более успешными.

Я начинала с чаек. Сотни фотографий чаек. Как они прогуливаются по песку, оставляя за собой дорожку следов-трезубцев, как качаются на волнах, как летят, широко расправив

крылья, как топчутся на прибрежных валунах, похожих на торчащие из воды головы в париках из зелёных водорослей.

Я мечтаю побывать на всех морях и океанах и сделать так, чтобы моими глазами люди увидели всех тех, кто вынужден каждый день бороться за выживание из-за нас. Возможно, в ходе какой-нибудь экспедиции эхолокатор зафиксирует Существо и мы наконец встретимся. Это произойдёт как раз, когда я потеряю всякую надежду, а окружающие будут настаивать, что морское чудовище – плод моих детских фантазий.

Я не обижаюсь, что мои далёкие от науки родственники сразу же окрестили Существо чудовищем. С одной стороны, они как бы заранее представляют его уродливым, опасным морским гадом, от которого неплохо бы избавиться. Хотя даже я ни разу не видела его целиком и утверждать, какое оно из себя, не берусь. Может, оно величавое и прекрасное доисторическое создание и однажды прольёт свет на то, какими были обитатели морских глубин эпохи динозавров?

С другой стороны, «чудовище» ведь происходит от «чуда», невиданного прежде явления, завораживающего и таинственного. Нет ничего удивительного в том, что незнание превращается в страх. Как-никак китов раньше тоже называли монстрами и левиафанами, а глубоководные гигантские кальмары и вовсе считались небылицами выживших из ума моряков. А не так давно был пойман десятиметровый кальмар, представитель рода «колоссальный кальмар» (отныне вполне себе признанный учёными вид). Так почему же моё Существо – обязательно выдумка?

Нужно сейчас же позвонить папе. Почему мама за ним не побежала? Почему позволила уехать в такую погоду неизвестно куда?

Но я ведь тоже не побежала, не остановила. О чём я только думала! Теперь он решит, что мне всё равно, что у них там с мамой творится.

– Папа-то не сказал, когда вернётся? – спросила я как бы невзначай.

– Не сказал, – почти равнодушно ответила мама и добавила с издёвкой: – Он сегодня разучился говорить. Только кричит.

– Это от расстройства. Он немного перенервничал, – объяснила бабушка. – Вот и телефон разбил... Кто бы мог подумать... до чего дойдёт.

Надо звонить прямо сейчас, чтобы папа знал, что мы за него волнуемся. Ну или если не мы, то хотя бы я.

И тут из моего кармана закричали чайки. Ну наконец-то папа поймал мой телепатический сигнал! Я достала телефон и выскочила в коридор, чтобы мама с бабушкой не подслушивали и не подсказывали мне. Они это любят. Особенно бабушка. Она уверена, что умеет вести телефонные разговоры гораздо лучше меня.

– Пап! Ты где?

В трубке громко шипел дождь, заглушаемый рёвом несущихся мимо машин. Должно быть, папа остановился где-то на трассе.

– Пап, плохо слышно!

В кухне бабушка победоносно сообщила маме:

– Одумался.

– Лера? – прорвался сквозь шум папин голос. Связь была до того ужасная, что, казалось, папа заикается.

– Да! Пап, ты где?

– Заправляюсь. Потом к дяде Лёше. У вас там нормально? Что они тебе про меня сказали?

– Да ничего... Ну, что ты телефон разбил, – прошептала я, потому как бабушка уже наверняка подкралась к двери и наострила уши. – Почему вы поругались-то?

– Да потому что твоя мать вертихвостка! – вдруг вспыхнул папа.

Вертихвостка? Моя мама? Я опешила и почувствовала, как сильнее застучало сердце. Будто я три литра кофе залпом выпила. Что это за слово такое – вертихвостка? Вроде ничего ужасного, но кажется, что большей гадости я в жизни не слышала! Он мог бы сколько угодно называть так какую-нибудь полужнакомую соседку, и я бы только посмеялась, но маму-то за что?

– Лер? – крикнул папа. – Ты давай не раскисай. И не слушай там всё подряд, а то начнут сейчас про меня фантазировать.

– А я и не слушаю, – тихо сказала я. Лучше бы я не только не слушала, но и не спрашивала ничего.

– Завтра приеду – поговорим. Матери привет, – в голосе появилась какая-то необыкновенная жестокость. Я и представить не могла, что вечно весёлый папа может так злобно говорить. – Спроси, какой ей новый телефон привезти.

– В смысле прямо сейчас спросить? – растерялась я.

– Ну да.

– Мам, – я заглянула в кухню и чуть не задела бабушку дверью. Хорошо, что она ловко вильнула в сторону. – Папа спрашивает, какой тебе новый телефон привезти.

– Пусть не беспокоится, – задрала подбородок мама.

Хоть бы им не пришло в голову продолжить ругаться через меня: «Папа просит передать, что ты вертихвостка». – «Скажи, чтобы провалился на том самом месте!» И так далее в том же духе. Вообще-то, я не могу вспомнить, когда они так сильно ссорились в последний раз. Должно быть, очень давно, и я просто отвыкла.

– Ей не нужно, – сказала я в трубку.

– Конечно, не нужно, – насмешливо отозвался папа. – Теперь ей этот будет новые телефоны покупать.

– Что? – не поняла я.

– Да так, ничего, – сконфузился папа.

Лучше бы он сначала выговорился дяде Лёше. Что ещё за «этот»? Я, конечно, не эксперт в подростковой психологии, но разве родители не должны скрывать от нас всё то, что думают друг о друге во время семейного скандала? Или вовсе делать вид, будто никакого скандала нет? Как-то же они справлялись с этой задачей до сих пор!

– Ну ладно, у меня уже бак полный, – торопливо произнёс папа. – Тут за мной очередь. В общем, до завтра, Лер. Ты, главное, это, не слушай всё подряд.

Как-то поздноватое для таких советов. И всё же я собралась и ответила как можно спокойнее:

– Ага. Пока. Дяде Лёше привет.

– Хорошо. Давай, до завтра.

6. Мама, которая смотрит на дождь

Не знаю, зачем я вернулась на кухню. Наверное, ждала каких-то объяснений от мамы. Или просто задумалась над папиными словами и сама не заметила, как оказалась за столом.

– Ну и где он? – безразлично спросила мама, глядя, как дождь заливает гравийную площадку и клумбы вдоль низкого забора. Один в один «Исабель, которая смотрит на дождь в Макондо». Этот рассказ Маркеса я прочитала недавно, вслед за мамой, потому что Маркес – её любимый писатель.

Сначала Исабель и её родные рады ливню, но он длится несколько дней и постепенно затапливает улицы Макондо. Всё, что остаётся жителям деревни, – смотреть на дождь и надеяться, что он закончится прежде, чем их постигнет страшная участь. На их глазах посреди двора гибнет корова, увязнувшая в грязи. «Надо молиться: вода размыва могилы, и несчастные покойники плавают по кладбищу» – фраза, от которой у меня до сих пор мурашки. Но однажды утром вода уходит, и кажется, что её вовсе не было.

Так и с родителями. Они наверняка уже завтра помирятся. Вот только просохнет земля – и сразу помирятся. Иначе какой смысл в этом рассказе? Маркес ведь знает, о чём пишет. Не зря же ему Нобелевскую премию присудили!

Бабушка приосанилась, будто я вот-вот поделюсь каким-то тайным знанием, и взглядом повторила мамин вопрос: «Так где он?»

– Папа на заправке. Собирается к дяде Лёше, а завтра обратно.

– А что сказал-то? – допытывалась бабушка.

– Что стоит на заправке, а потом к дяде Лёше, – с напором ответила я.

– Ой, секрет, секрет, – улыбнулась мама бабушке. – Поди наболтал там невесть чего, науськал исподтишка дочку против родной матери. Как благородно.

– Ладно! – разозлилась я и хотела выложить всё начистоту, но вовремя проглотила язык. Ну донесу я им про вертихвостку и «этого», и что дальше? Только папу подставлю.

– Лер, ты папу не бойся. Если он тебе велел ничего нам не рассказывать, так это лишь показатель того, что он струсил и ищет в твоём лице поддержки.

– А я и так его всегда поддерживаю, – честно призналась я, но, кажется, зря.

Мама дёрнула бровью, дескать, ах вот как! Вот, значит, какая ты на самом деле! Папу поддерживаешь? Ты должна меня поддерживать, а не какого-то там папу! Бабушка тут же сгребла меня в объятия и стала чуть-чуть раскачивать, как будто мне два года.

– Она просто ещё не разобралась, что к чему, да, Лерочка? Испугалась немножко. Конечно, ничего не понятно, не знаешь, к кому бежать.

Я попыталась высвободиться из бабушкиной хватки, но она только сильнее меня прижала. Мама фыркнула:

– Ой, мам, я тебя умоляю! Всё она понимает. Не маленькая уже. Вот я на днях в журнале читала, что в три и тринадцать лет дети лучше всего переносят развод родителей. А моим как раз три и тринадцать.

Что? Развод? Я вытаращилась на неё и почувствовала, как в висках застучала кровь. Мама сказала это легко. С такой гордостью, будто позаботилась о нас, специально дождалась нужного возраста и мы должны быть ей благодарны. А ещё я уловила, что от меня ничего не зависит. Что бы я ни сказала – мамино решение окончательное.

Не знаю, как принято вести себя, когда впервые звучит это слово – «развод». Никто меня не научил. Никто не предупредил, что к этому вообще нужно быть готовой! Я прекрасно знаю, что делать и кому звонить, если бабушке станет плохо, если Маркуша подавится едой или если я найду на берегу раненого тюленя. Я не растеряюсь ни в одной из этих

ситуаций. Да что там, я даже умею делать искусственное дыхание и пользоваться огнетушителем! Но это...

У многих в школе родители не живут вместе, появляются отчимы и мачехи, сводные братья и сёстры. Но никто не говорит об этом. Никто ни разу не поделился со мной, как узнал, что его родители решили разойтись, и что сделал потом. Разгромил комнату? Слушал весь день грустную музыку? Рыдал в туалете? Как следует поступать в таких случаях?

– Женечка! – укорила бабушка маму.

– А что такое? – взмахнула рукой мама. – Ну разводимся, и что? Ты предлагаешь из этого трагедию сделать? Вон у Маринки уже четвёртый муж – и ничего, все дети довольны.

Может быть, в мамином мире или в Маринкином мире все счастливы, если кто-то разводится. Некоторые африканские племена на похоронах танцуют, поют и вообще веселятся, потому что душа покойника переселяется в лучший мир. Но что-то я не уверена, что после развода меня, Маркушу или папу ждёт лучший мир. Маму – скорее всего. Она считает, что трагедии бывают только у слабаков. А у сильных личностей это называется «временные трудности» или ещё лучше – «жизненные перемены». Сильная личность во всём найдёт положительную сторону и повод порадоваться.

Так вот я вовсе не сильная личность. Поэтому я уткнулась в бабушкино мягкое и холодное белое плечо и заплакала. Вернее, заскулила. От жалости к себе, от беспомощности и от неизвестности, которой никогда прежде не ощущала так близко. А бабушка продолжала качать меня и гладить по голове: «Тихо, тихо, золотая ты моя девочка!» И я мысленно умоляла её никогда не останавливаться.

– Господи, как жалко, – проговорила бабушка задумчиво. – И Сашу жалко, и...

– А меня тебе не жалко? – изумилась мама.

Бабушка, заикаясь, как от испуга, пробормотала что-то вроде: «Конечно, очень жалко», и стало ясно – она больше и полслова не произнесёт, чтобы спасти нашу семью. Пусть всё кругом рушится, раз так хочется её драгоценной дочке.

– Ну хватит, не реви, – с раздражением попросила мама и прикоснулась кончиками пальцев к вискам. – И так голова раскалывается от этой погоды.

Раньше меня удивляло, что я совсем ничего не помню из раннего детства. Почему все забывают свой первый год жизни? Но однажды я кое-что увидела. Своими младенческими глазами, хотя мне тогда уже исполнилось девять лет.

В полутьме мама качает меня на руках, а я смотрю на неё сквозь слёзы и кричу. И она спокойно, но требовательно говорит: «Спи, моё чудовище. Разве можно так долго реветь?» Не знаю, выполнила ли я тогда её просьбу и почему именно эта фраза так крепко засела в памяти. Я выросла и узнала каждое из этих слов по отдельности – «спи», «моё», «чудовище», и неожиданно они сложились воедино, ведь я их уже слышала, только не понимала, что они значат. Я спросила маму, взаправду ли всё это или мне просто приснилось. «Приснилось», – сухо ответила мама, и я больше ни минуты не сомневалась, что это не сон, а самое настоящее воспоминание. Иначе она бы стала убеждать меня в том, что никогда не назвала бы ребёнка чудовищем. Хотя её не в чем винить. Маркуша мог орать часами. Я ворочалась в кровати и мечтала только о том, чтобы он поскорее замолчал или чтобы его забрали гоблины.

Мама соврала насчёт чудовища, потому что испугалась: вдруг я посчитаю её жестокой и злой. Но она вовсе не злая и не жестокая. Просто для неё я и впрямь была маленьким орущим чудовищем, с которым неизвестно что делать и как уложить спать.

Вот и сейчас, стоило ей сказать: «Ну, хватит, не реви», как я тут же заставила себя глубоко вдохнуть и унять желание разрыдаться в голос.

А ведь мы с мамой не слишком-то отличаемся от самих себя тринадцатилетней давности. Она снова не знает, как объяснить мне то, в чём я ещё не могу разобраться самостоятельно. А я, как и прежде, только плачу в ответ.

Я сказала Юле, что прыгну ради мамы с воздушного шара. И, кажется, пришло время совершить этот прыжок. Только вот я всё стояла на краю, смотрела вниз и никак не могла решиться.

7. Шторм

Помню, однажды, через неделю после Рождества, подул недобрый ветер. Как призрачный генерал, он бросал клич, чтобы море восстало против земли, и предвещал разрушения. Когда первые взбесившиеся от его порывов волны ринулись на пляж и расстелили на песке белую бурлящую пену, никто не заподозрил, что через пару часов от лестниц останутся лишь верхние, каким-то чудом уцелевшие ступени.

Вода подобралась так близко, словно хотела отогнать сушу подальше к холму. Она билась о берег, выплёскивалась через перила и уносила с собой осколки бетонных плит. Волнорезы сдались под её натиском. Вскоре и пляж полностью исчез под напором стихии.

Мы с папой стояли на пирсе, точно на тонущем корабле, а повсюду бушевали волны. Приходилось то и дело тереть глаза, чтобы хоть что-то разглядеть сквозь едкие ледяные брызги. Содрогались бетонные столбы пирса и грозили переломиться, как тонкие деревянные мачты, и вместе с собой увлечь нас на дно.

– В последний раз я видел такой шторм лет пятнадцать назад, – прокричал папа, придерживая рукой капюшон дождевика. – Тогда хорошенько потрепало. Конечно, волнорезам уже за сотню лет, такие буруны им не под силу.

Я с восторгом следила за бурей: тонкая пылающая полоска света протянулась над линией горизонта, точно золотой меч.

В такие минуты море по-настоящему оживает, обнаруживает грозный нрав и невероятную мощь. Потревоженное ветром, оно пробуждается от долгого сна и напоминает, насколько ничтожны мы в сравнении с ним. Как извергаются вулканы, как вздымаются до облаков пески в пустынях, так и море закипает, отстаивая свой королевский титул.

Пирс снова угрожающе затрясся под ногами, и папа ухватил меня за плечо:

– Пойдём! Не хватало ещё рухнуть вместе с этой развалиной.

Мне не хотелось уходить: более грандиозное зрелище трудно себе представить, да и следующего такого шторма дожидаться невесть сколько. Но папа упорно тянул меня прочь, к берегу.

– Посмотришь с пляжа, – пообещал он.

– Пляжа больше нет, – возразила я, но всё равно повернула назад.

Покинув пирс, мы увидели, что променад рассклала трещина, выбив брусчатку, как кусочки пазла. С каждой волной из образовавшегося проёма выскакивала струя, точно фонтан из дыхала каменного кита. Немногочисленные постояльцы отеля на берегу в оцепенении наблюдали за происходящим из окон ресторана. Должно быть, переживали, как бы променад не раскололся напополам и не настала очередь отеля.

К ночи шторм стал затихать и только обломки лестниц и раздробленные куски арматуры остались покоиться на камнях и затопленном пляже – будто некий великан с корнем вырвал их огромной лапой.

Мы вернулись домой в отличном настроении: восхищение с примесью лёгкого страха заставляли сердце стучать быстрее, как будто мы бежали, спасаясь от первой весенней грозы, или только что прокатились на американских горках. Мама повсюду расставила толстые зажжённые свечи, и казалось, что мы очутились в Средневековье.

– Ага, явились! – выглянула она из кухни и с деланной суровостью покачала головой при виде нашей мокрой насквозь одежды. – Давайте переодевайтесь в сухое и спускайтесь, а то кино начнётся без вас!

– Да? – расплылся в улыбке папа. – И что же сегодня показывают?

– По-моему, самый подходящий вечерок для «Моби Дика»! – сказала мама, кивнув в сторону моря.

Папа тут же принял позу моряка во время качки и зажал в руке воображаемый гарпун.

– Когда твоя видел спрут, – тихо и загадочно проговорил он, перевоплощаясь в дикаря по имени Квикег, – тогда твоя скоро-скоро видел кашалот.

– Золотой дублон тому, кто первым заметит Белого кита! – крикнула я и в роли безумного капитана Ахава захромала на деревянной ноге на второй этаж переодеваться.

«Квикег» послушно шагал за мной, изучая горизонт и потрясая невидимым гарпуном. Иногда он ни с того ни с сего заводил песню островитян и кривлялся в традиционном танце предков-каннибалов, что больше напоминало перепуганную курицу, которая неуклюже скачет по двору. Потом стянул мокрый шерстяной носок и помахал им у меня перед носом:

– Купи сушёную голову белого человека!

Даже вечно мрачный «капитан Ахав» так хохотал над дикарём, что чуть было не шлёпнулся за борт, рискуя опозориться перед командой.

Диван быстро превратился в вельбот, и уже сухой капитан приказал спустить его на воду, чтобы незамедлительно отправиться в погоню за Моби Диком. Мама очень кстати принесла хрустящий сырный пирог, с которым китобои с большим аппетитом разделались за несколько минут. А ещё говорят, что женщина на корабле – к беде!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.